

КАПИТОЛИНА КОКШЕНЕВА

ИСКУССТВО ПОМНИТЬ. ФИЛОСОФ АСТАФЬЕВ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

Астафьев Пётр Евгеньевич. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура (Классики русской философии). — М.: Институт наследия, 2021.

Конечно, речь идёт о сложном — о культурной памяти, которая проявляет себя в конкретных произведениях литературы, театра, кино, скульптуры. Память в культуре — акт творческий. Но не всегда. И не везде. И не у всех.

Часто бывает совсем напротив — акт категорически не творческий, в котором “искусство забывать” становится первым принципом, правда, и такое “искусство” часто хочется тоже забыть, а не помнить.

Сегодня, когда нам устанавливают в центре Москвы отвратительное “изделие из глины”, когда малолетний школьник-убийца становится героем спектакля, когда театральные скандалы стали популярнее светских новостей, мне бы хотелось поставить снова человека лицом к вечным и важным темам. И сделать это можно по-разному. Я же выбираю путь, который и постараюсь разъяснить здесь читателю.

Зачем читать Петра Астафьева?

Институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва) выпустил книгу “Избранные произведения. Философия. Психология. Культура” Петра Евгеньевича Астафьева (1846–1893) — классика русской философии.

В 1889 году вышел первый номер главного философского журнала России — “Вопросы философии и психологии”. Он издавался московским Психологическим обществом и Философским обществом России, активным членом которого был Пётр Евгеньевич Астафьев, занимающий “видное место среди родоначальников самостоятельной русской мысли”.

Здесь каждое слово имеет огромную нагрузку: *родоначальник, русская мысль, самостоятельная.*

А соединение в его творчестве психологических и философских ответов на существенные вопросы о человеке, на мой взгляд, просто крайне важно именно современникам, которые не просто изобретают велосипед, но культурно руинированы — до полного непонимания себя. Прежде всего, я имею в виду тех, кто считает себя “творческими личностями”.

В книгу вошли статьи Петра Евгеньевича, одно перечисление названий которых просто вопиет о прочтении: “Страдание и наслаждение жизни. Вопрос

пессимизма и оптимизма”, “Идеал и страсть”, “Перерождение слова”, “Последние тени прошлого”, “Генезис нравственного идеала декадента (о Ф. Ницше)”, “Нравственное учение гр. Л. Н. Толстого и его критики”, “Чувство как нравственное начало”, “К вопросу о свободе воли”, “Национальность и общечеловеческие задачи”.

Книга снабжена роскошной статьей современного петербургского философа Николая Петровича Ильина “Метаморфозы души (основная линия в творчестве Петра Евгеньевича Астафьева)”. Эта статья Ильина, его книга “Трагедия русской философии” и монография “Истина и душа. Философско-психологическое учение П. Е. Астафьева в связи с его национально-государственными воззрениями” и будут нашими проводниками в искусстве понимания философа-классика.

Итак, зачем читать П. Е. Астафьева всем тем русским людям, которые хотели бы жить на иной культурной глубине, чем тик-токеры и поп-блогеры?

Я считаю, что у профессионалов, создающих культурную реальность, размышляющих о ней, и публики есть одна общая проблема. Это “проблема тела и телесности”. Тело и телесное – доминанты современного искусства, где физиология зачастую сугубо акцентируется и крайне эстетизируется.

Те, кто призван осмысливать культурные процессы (критики, исследователи), опираются на разные *мнения* (но не философские системы). В качестве таких опор-мнений выступают в равной степени как Павел Флоренский, так и французский феноменолог Морис Мерло-Понти. У первого обычно выделяют мысль, что “человек для нас дан в самых разных смыслах. Но, прежде всего, он дан телесно, как тело. Тело человека – вот что первое всего называем мы человеком”. У второго эффектно смотрится такая идея: “Стало быть, я есмь моё тело, по крайней мере, ровно настолько, насколько что-то имею, и, с другой стороны, моё тело есть своего рода естественный субъект, предварительный набросок моего целостного бытия”. После того как вы прочтёте статью Ильина и, тем более, книгу П. Астафьева – вернитесь к этим цитатам. Они не покажутся вам ни точными, ни глубокими.

А поскольку современный мир любит красивую формулу (которая в пределе становится брендом), то запросто возникает *философия тела* – примерно так же, как “мир диванов” или “философия парфюма”.

Оппозиция слова и цифры, души и тела в наши дни достигла серьёзного противостояния, когда сказаны груды слов, когда говорящие не понимают друг друга, когда нет общей культурной платформы, позволяющей договариваться.

Именно поэтому нужен, как никогда, философский фундамент, нужно возвращение к наследию века классиков – только они, умеющие мыслить философски и додумывать проблему до конца при описании всей её сложности, – только они позволят нам всё же не просто засорять мир словами, но ответственно думать о современности и человеке в ней. Русский философ-классик Пётр Евгеньевич Астафьев, как никто другой, сегодня актуален – его голос в современном споре о “философии тела” и душе является убедительнейшим, он продумал и сказал многое. Путеводителем же по его философскому творчеству станет статья Н. П. Ильина, в соответствии со структурой которой я и строю свой рассказ.

Душа и тело

Н. П. Ильин во вступительной статье говорит: “У всех настоящих философов есть заветное, глубинное убеждение”. Основную “философскую интуицию”, глубинное убеждение Астафьева он называет его же словами: “Душа всего дороже...” Ильин тут видит “главный принцип” всего философского творчества Петра Евгеньевича, а мы, обнимая внутренним взором русскую культуру “века классиков”, понимаем, что философ тут не просто выразил себя, но Пушкина и Баратынского, Гоголя, Достоевского, Тютчева, Толстого, Случевского... А вообще-то, по сути, всех нас, на ком есть “отпечаток” усвоения своей культуры.

“Душа выше и дороже всего” – это наша вечная ценность, наш внутренний сокровенный идеал, наша высокая культурная норма, наш якорь в современности. Ильин доказывает, что этот принцип по своему *фундаментальному*

смыслу” является “*философски-психологическим* принципом: его первоисточник — самопознание человека”.

Каждый из нас точно знает, что у него есть душа. Но как же по-разному пытаются отказаться от неё в культуре! “*Душа*”, “*жизнь человеческого духа*” (классическая “формула” К. С. Станиславского о сущности театрального искусства) — всё это кажется устаревшим современным режиссёрам, художникам, писателям.

Бессмертие души, которое ещё недавно так же было несомненно, в современном человеке больше не вызывает прежней веры. А вот *тело* — оно всё более и более видится *несомненным*.

Скажем сразу: ни христианская традиция (православная), ни русская философия *тела* не презирала, от *тела* не отказывалась. Тот же Н. Н. Страхов — современник Астафьева — прямо говорил, что человек в биологическом смысле есть животное, но человек имеет силу (духовную) отделить себя от природы. Физическая природа — не предел для человека, который именно в культуре проявляет себя творцом: “. . . животность не противоречит духовности, но даже что для духа необходима самая высокая степень животности” (Страхов). Биологическая природная жизнь достигает, таким образом, своего апогея в человеке, а *развитие* человека связано уже с культурой, а не с природой.

Какие же истины о душе высказаны Астафьевым и увидены Ильиным? Истина первая: “Несомненно, что душевная жизнь не имеет объективных признаков”, — то есть ни моя собственная, ни чья-либо душа не может стать предметом объективного познания. Никто из нас не может её предъявить как “объект”. Философы об этом говорят так: “*Душа познаётся не объективно, не как объект, но только субъективно, как субъект*”; “душа каждого человека известна только её обладателю; по существу дела, душа — это сугубо личная собственность человека, которой он не смог бы поделиться, даже если бы захотел” (Н. Ильин). Итак, каждый из нас, будучи субъектом, обладает и душой. Душа открыта только для меня самого. Она закрыта для всех других. А это значит, говорит Ильин, “что человеческое существование, *открытое* благодаря телесности, *закрыто* в своей душевной сущности” (выделено мной. — К. К.).

Тут заметим и первое, столь важное, неизбежное противостояние души и тела. Современные деятели культуры часто хорошо чувствуют именно “зверскую” природу человека, когда человек всё больше и больше напоминает “одичавшее животное” (что критики часто фиксируют). При этом в одном абзаце критик может утверждать, что в “Гамлете” все герои, в том числе и заглавный — сплошные “звери”, а в следующем предложении с той же недоказываемой активностью писать, что в этом спектакле “господствует личность”, несмотря на то что сам режиссёр выдвигает на первый (смысловой) план “низменные человеческие потребности”. И разрешить эту проблему “зверя с низменными потребностями и личности” (домыслить до конца) критик попросту не может.

Сегодня исследователи вновь вспоминают и М. М. Бахтина с его формулой “внутреннего тела”. То есть просто “тела” оказывается никак недостаточно для описания, например, театрального представления, даже если в нём очень много телесности (а в театральном искусстве благодаря актеру её действительно больше, чем в иных видах). То, что Бахтин называл “внутренним телом”, которое человеком осознаётся и которое представляет собой “совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединённых вокруг внутреннего центра”, всё же много яснее и точнее выразил философ П. Е. Астафьев, показавший нам, что “внутри телесности есть только телесность”.

Мы все знаем, что наша душевная жизнь (которую Бахтин назвал “внутренним телом”) дана каждому из нас “*исключительно во внутреннем опыте*, и прямо наблюдению извне навеки и совершенно недоступна”, — разъясняет мысль Астафьева Н. П. Ильин. Но вот искусство тем и притягательно, что оно открывает и предъявляет для публики эти внутренние миры. Тут вечная и притягательная сила искусства — и тут его вечная проблема.

Кто и как предъявляет внутренние миры? Пушкин с Баратынским, Толстой с Достоевским или новомодный автор, которому доступна только зверская телесность? В русском классическом искусстве закрытый душевный внутренний опыт открывается во всей своей силе, человеческой проблемности, идеальности и сложном разнообразии!

Классики неисчерпаемы по определению; вопрос в том, что именно мы способны “почерпнуть” в их наследии. Тут уже наша мера действует – объём личности современного художника.

Философ П. Е. Астафьев говорит нам, что мир души – это мир внутренний, это мир психический (душе доступны самые разные состояния – печали, радости, горести, гнева, досады, любви, ненависти и так далее). *Мир души всегда достоверен*. Слёзы, которыми вы плачете во сне, и слёзы наяву равно достоверны в вашем душевном переживании. Исследование достоверности души позволило, говорит Н. П. Ильин, русским философам осознать важнейшее значение “фактов внутреннего опыта” человека или наличия субъективных истин.

Современное искусство, увы, под вывеской концептуальной “множественной субъективности” выдаёт нечто, что не имеет высоких смысловых и моральных регистров, что распадается на фрагменты и выглядит необязательным, то есть не воспринимается нами как “субъективная истина”, но чаще всего является совсем необязательным утверждением.

Следовательно, “душа как внутренний мир” связана ещё с чем-то, что её “дисциплинирует”.

Душа и сознание

“Стремление жить неотделимо от стремления *сознавать* свою жизнь, *быть сознательным*” – эту сжатую до формулы мысль Астафьева Н. П. Ильин назвал гениальной, поскольку именно она открывает философский путь в понимание “души как мира сознания”. И жизнь, и душа нами *осознаются* – и именно здесь Астафьев видит ценность самой жизни: “Поэтому можно уверенно утверждать, что для Астафьева в области философии (или философской психологии) *ценность души – это, в первую очередь, ценность сознания*” (Н. Ильин).

Для классиков русской философии было очевидно, что отделить душу от сознания (и наоборот) – значит пойти в сторону *нигилизма* (борьбе с ним много сил отдал Н. Страхов).

“Деятельность души”, усилия сознания известны нам своей достоверностью как проявления нашей психической жизни, и основаны они на “акте внимания человека к самому себе”. Этот акцент на сознательном, в котором “акты сознания” – это акты, которые “обеспечивают *устройство души*, наличие в ней естественного порядка, естественной гармонии”. И снова в центре оказывается человеческая личность, обладающая фундаментальной и *очевидной* способностью – “внимания к самой себе”. И снова возникает вопиющая сегодня проблема “другого” – современный постмодернизм, пост-театр и шаг не ступят без тотального требования внимания к *другому* (“другим” может быть кто угодно и что угодно – от чужой культуры до “семьи” нетрадиционной ориентации, потому как персонафицированного и единственного некоего Другого попросту нет в наличии). “Себя” напитывать, наполнять, окорачивать, воспитывать попросту некогда, потому что нужно успеть освоить всяческое “другое”, интерес к которому разжигается и подогревается коучами, режиссёрами, маркетологами.

Кроме того, нам всем очевидна актуальность “проблемы бессознательного” (фрейдизм вьелся прочно в психологические практики и в культуру).

Я дам читателю только вывод, на который русские философы тратили десятилетия жизни, чтобы его обрести. Это их щедрый подарок нам. Очень бы хотелось, чтобы мы *присвоили себе*, то есть обрели как личный внутренний опыт, убеждение, что “сознание является основным общим признаком всех душевных явлений”. “Говорить, что я что-либо *переживаю бессознательно*, – подчёркивает Ильин, – так же абсурдно, как “любить бесчувственно”, “мыслить бездумно”, “сострадать безучастно” и т. д.”.

Душа и вера

Свой внутренний мир для каждого из нас очевиден (потому что мы его переживаем), но мы почему-то знаем, что внутренний мир (субъективный) есть и у другого человека (людей), хотя он закрыт для нас. Астафьев говорит

о том, что “субъективность” как “ведомость себе” обладает ещё и таким особым потенциалом, который называется *верой*. Именно она позволяет взаимодействовать субъективным мирам, сближая одних как “своих” и разделяя с “другими” как с чужими.

Астафьев уверен, что именно самосознание и самопознание становится “естественной основой богопознания и почвой для религиозного верования”. У веры и у души есть общая почва – *невидимость*, но невидимость нам известная и для нас очевидная – наша душа. “Признав же существование этого невидимого мира, *поверив в себя как в живую душу*, – передаёт философскую доказательность Астафьева Н. П. Ильин, – мы тем самым уверенно вступаем на путь, ведущий к *незримому Богу*. Путь, который предполагает напряжённый внутренний опыт, углубление в свой внутренний мир, – предполагает самопознание”. Так душа преобразуется в духовную личность. Но преобразовать себя так или не так – это зависит от нашей личной свободной воли. В книге уделено достаточно много места проблеме свободы и свободной воли в понимании П. Е. Астафьева. Воля, по Астафьеву, движется идеалами. Идеалы, которые ты принимаешь (понимаешь, осваиваешь, присваиваешь) как свои собственные, становятся личностно-субъективными. Воля (свободная воля!) человека, способного выбрать идеал (то есть не полезное и не выгодное) и движимого им, и есть существенный момент в появлении личности.

Личность души – это ещё один её философский “образ”. Души “плодоносящей”, “цветущей”, то есть “зрелой”.

Философ Астафьев смог доказать, что настоящая философия считает “личность за самое реальное и ценное, а её развитие – за высочайшую задачу жизни; об этом свидетельствует всякая культура вообще и наша, христианская, в особенности”.

Душа как национальность

Следуя за Н. П. Ильиным в его философском видении наследия П. Е. Астафьева, мы подошли к самой немодной, неактуальной и практически презируемой “творческим сообществом” теме.

“Режиссёр вскрывает истинную суть не одного человека, но всего человечества, он мыслит глобально”, – прочитав такой пассаж можно сегодня во многих театральных статьях. Глобально, конечно, мыслить проще, чем не глобально. Но без усталости повторяющие слова о “человечестве” как маркере масштабного художественного мышления эти критики попросту не понимают, что нет, не было и быть не может никакой “истинной сути” у всего человечества. Такое “глобальное мышление” в корне порочно, ведь оно как раз лишает человека личности, а личность – особенности и глубины.

Если душа познаётся только субъективно, то “душа человечества”, “мировая душа” может быть или только философской спекуляцией, или туманно-болезненным декадентством (“Общая мировая душа – это я... я... – говорит Нина в чеховской “Чайке”. – Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки. Во мне сознания людей слились с инстинктами животных, и я помню всё, всё, всё, и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь”). Чехов довёл до полного абсурда идею “мировой души”. Но интерпретаторы часто этого не понимают. По той же логике некто Другой (как некая всемирная Пустота, Ничто) занимает воображение современных деятелей, трагически не просто свои, но и наши силы на “концептуальное понимание” того, что *не имеет* сути и ядра. Нет никакого Другого, говорит Н. Ильин, есть “свой” и “чужой”, и он же, в данном случае развивая наследие Астафьева, называет существенный критерий их разделения: “Свой действительно является для меня своим только тогда, когда вражда с ним является для меня *самоубийственной*, когда, враждуя с ним, я в действительности *вражду с собой*”.

Какое тонкое и точное умозаключение!

Ведь если обратиться к личному опыту, то каждый из нас вспомнит (а вспоминая, душа тут же *достоверно воспроизводит* эти чувства и эти настроения) – вспомнит это “*особенное чувство своего*” (родного). Чувство это (забитое потреблением культурного суррогата, неумением наслаждаться русским словом, задвинутое на обочину новым информационным сленгом,

чужебием и европейничаньем) вдруг явит себя с огромной силой (как в недавний момент возвращения Крыма домой).

Оно называется чувством своей народности (национальности). Вот к такому “философскому обоснованию” национальной природы человеческой души и приводят нас два философа – современник Николай Ильин и классик из русского “века классиков” Пётр Астафьев. “И так как всё значительное появляется и проявляется, прежде всего, во внутреннем мире, – заключает Ильин, – национальность человека – это, по своей сущности, национальность его души”. Там, где эта национальная душа являла себя во всей силе, в творческой воле своего таланта – там и рождалось гениальное произведение.

Все классики русской философии стояли на том, что “гениальные художественные произведения всегда национальны”. Это закон – закон природы души человека – человека творящего, обладающего таким даром как талант (“нет творчества без личности, но нет его и без национальности”).

Конечно, степень личности и степень национальности – они разные у людей, и далеко не всеми сегодня переживаются как “духовная необходимость”. “Дух времени” в лице армии адептов как раз всегда будет с ними бороться, доказывая, что без них жить легче, проще, приятнее во всех отношениях (да, легче – только жизнь ли это?).

Мне кажется, что на часто задаваемый сегодня вопрос – где великие произведения наших современников, где гении? Почему их нет? – ответ дан книгой П. Е. Астафьева и статьёй Н. П. Ильина.